

ТЫ – ВСЁ

ЕЛЕНА ТОДОРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т50

Тодорова, Елена Леонидовна.

Т50 Ты — всё / Елена Тодорова. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 704 с.

ISBN 978-5-17-165431-3

Когда мне было восемнадцать, Ян Нечаев не просто лишил меня невинности и разбил мое глупое сердце. Он разрушил меня до основания.

А после без пояснений покинул страну.

Чтобы оправиться от предательства, мне потребовалась психологическая терапия. Зарекаясь когда-либо заводить отношения с парнями, постепенно я наладила свою жизнь. Отучилась и сдала на отлично госэкзамены. Заканчивая писать дипломный проект, успешно прошла собеседование на работу в компании всемирно известного бренда.

И вдруг... Мой мир пошатнулся, стоило мне лишь увидеть, что Ян Нечаев вернулся. Но хуже всего то, что теперь он мой прямой руководитель..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-165431-3

© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2025

Глава 1

У меня другие жизненные ориентиры.

© Юния Филатова

— Входи, — реагирую на негромкий стук.

Дверь открывается, но вглубь комнаты мама не продвигается. Осторожно улыбаясь, дожидается дополнительного кивка с моей стороны.

Прямыми взглядами встречаемся в зеркале. Пока я, позвякивая браслетами, заканчиваю с укладкой самых непокорных коротких и вьющихся прядей у висков, мама оглядывает мой наряд.

Черный цвет. Голые, пересеченные лишь тонкими бретелями плечи. Свободный вид на ложбинку между грудой. Широкий, сильно расклешенный и чрезмерно творческий крой. Полная демонстрация ног, которые благодаря выбору одежды теперь не только длинные, но и загорелые.

Если бы четыре с половиной года назад устав нашей семьи не претерпел кардинальных изменений, мама бы не просто ужаснулась моему выбору, а совершенно точно забракела бы это платье и запретила его надевать.

Но сейчас... Она сдержанно улыбается.

Может, я с тех самых пор и выработала стойкую независимость от чужого мнения, но я сойду, если скажу, что меня не радует то, что родные при-

нимают меня той, кем я есть, и больше не пытаются делать из меня безгрешного ангела.

— Агния сказала, у тебя сегодня собеседование, — мамыны руки ложатся на мои плечи и осторожно их поглаживают. — Ты же в курсе, что не обязана торопиться с трудоустройством? Защита магистерского диплома лишь в сентябре. Может, насладишься последними беззаботными месяцами? Наработаться успеешь.

В знак благодарности, что так тактично подбирает слова и не оказывает давления своим мнением, позволяю ей закончить мысль. Но на деле даже не обдумываю сказанное. Решение принято. И я в нем уверена.

— Я буду пробоваться в отдел планирования головного офиса завода, который отстроили за «Седьмым небом».

— Это который филиал немецкого автомобильного?

— Да, один из ведущих мировых производителей. С дипломом нашего университета берут без стажа. Я подумала, нужно попробовать, пока они только-только набирают персонал. Позже ведь могут выдвинуть требования выше, правда?

— Правда.

— Ну, вот поэтому я не хочу ждать сентября. На прошлой неделе была в деканате, сняла и заверила копию диплома бакалавра. Плюсом еще взяла справку о том, что от диплома магистра меня отделяет только защита. Отправила резюме. Все как есть написала, без фантастики. Мне сразу же перезвонили и назначили дату собеседования.

— О-о, — протягивает мама, впечатлившись развитием событий. — Прекрасно. Это действительно хорошая возможность. Жаль было бы упустить.

Закончив с волосами, задерживаю зрительный контакт. Поджимаю при этом губы, несколько раз вытягиваю и, наконец, улыбаюсь, отмечая, как на щеках не только ямочки появляются, но и проступает румянец.

Некоторые вещи перерасти невозможно. Я пробовала.

Все так же краснею чаще других.

— Я спокойна, — заверяю, в то время как грудь разбивает дрожь. Глаза блестят от очевидного и, увы, естественного для моего организма волнения. Но я не заостряю на этом внимания. Знаю, что главное — не позволять себе углубляться в переживания. — Да — да. Нет — нет, буду искать дальше.

— Правильно, — тотчас поддерживает мама. — Этот концерн — не единственная перспектива. Город большой. Работы хватает.

— После офиса к Валику с Мадиной заскочу, — сообщаю уже за завтраком.

Хотя мое участие в утренней трапезе можно охарактеризовать одним словом — присутствую. Пока папа, мама и сестра жуют, потягиваю кофе. Все трое из года в год повторяют, что я похудела, но насильно в мои непростые отношения с едой не лезут.

— Зачастила к ребятам, отколе появился ребенок, — вздыхает мама мечтательно, стреляя в папу взглядом.

Я тут же краснею. Стесняюсь признать очевидное, ведь сама ни замуж выходить, ни детей заводить не планирую. После того как парень, которого я одержимо любила, разрушил меня до основания, заставив отстраивать себя с нуля, ни одного мужчину ни к своему телу, ни к своему сердцу не подпущу.

— У нас с Мадей и Валею в дипломной пара идентичных девятиэтажных таблиц. Разбираемся с ними вместе. Из-за малышки дело медленно идет. Она много времени занимает. Говорят, современные дети очень требовательные. Кажется, это правда. Рокси даже спит исключительно на руках.

— Правда? — округляет глаза мама. — Вотждемся внуков, проверим!

— Может, от Агуси дождетесь... — бормочу я и проталкиваю остывшим кофе вставший в горле ком.

— Может, и от Агуси.

— Щас! — восклицает та, как всегда, эмоционально, не церемонясь особо с чувствами родителей, чем и вызывает у меня улыбку. — Ничего, что у меня в сентябре только начнется свободная жизнь? — взбив ладонью густую копну волос, напоминает о своем отъезде в столицу на учебу. — В ближайшие лет десять даже не надейтесь! Я отрываться планирую, — под конец этой речи сверкает пирсингом в языке.

Невольно опускаю взгляд на свою татуировку.

Зайка на запястье — единственная видимая отметка на моем теле. Жаль, что в мире существует человек, который сразу бы понял, что это не кролик, как полагает большинство. Даже те идиотки, которые четыре с половиной года назад причисляли себя к субкультуре зай, так и не увидели аллегии.

Отмахиваясь от неприятных воспоминаний, слезу за реакцией родителей на слова Агнии. Мама бледнеет, а папа, напротив, багровеет. Однако оба благоразумно оставляют вверенную им информацию без комментариев.

Это так забавно, учитывая то, какой была наша семья, когда окончила школу я, что я еще шире улыбаюсь.

Завершаем завтрак в тишине.

* * *

Поправляя полы накинутаго поверху платья удлиненного пиджака, подхожу к сверкающему синевой на солнце величественному зданию. Как ни убеждаю себя, что для меня работа в этом концерне не является чем-то необходимым, мандраж разрастается. Пытаюсь скрыть волнение от той толпы, в которую врываюсь, едва только вхожу в здание, слишком сильно напрягаю лицевые мышцы. Но лучше уж выглядеть хмурой и недовольной, чем трепещущей ванилкой.

— Добрый день, — выдыхаю в сторону охраны. — Юния Филатова, — называю свое имя. И уточняю: — На собеседование.

Мужчина сканирует меня равнодушным взглядом. Проверяет что-то в компьютере.

И информирует:

— Седьмой этаж. Правое крыло. Сто шестой кабинет.

— Спасибо, — сухо благодарю я.

Незаметно сжимаю вспотевшие ладони в кулаки и уверенно шагаю в сторону лифтов.

Еще бы там разобраться...

В кабине обнаруживаю, что кнопок не хватает. Максимальный этаж, на который можно подняться, — третий.

Господи, может, я все-таки глупая?

Вздрагиваю, когда в лифт входит мужчина. Он кажется смутно знакомым, но мне, увы, не до того.

— На собеседование? — спрашивает с улыбкой.

— Да.

— Тогда лифты с другой стороны холла. Эти только для руководящего состава.

— Простите, — все, что могу вытолкнуть, прежде чем выскочить из кабины.

Заалевшие скулы этот мужчина, конечно, успевает заметить. Но я искренне надеюсь, что в случае положительного исхода собеседования мне не придется с ним сталкиваться. Если верить тому, что он сказал насчет руководящего состава, у моей надежды огромные шансы.

«Лифты для простых смертных, к слову, ничем не хуже», — заключаю я на месте.

Только кнопок в них больше, хах.

Добираюсь до места ровно к назначенному времени, так что не успеваю даже осмотреться, как меня приглашают в кабинет.

Я давно научилась держаться на публике, неоднократно выступала перед большой аудиторией, и опять-таки работа здесь не является мечтой всей моей жизни, но, черт возьми, когда я смотрю в глаза женщины, у которой предстоит проходить собеседование, то меня охватывает такое благоговение, будто передо мной сам канцлер Германии, а не офисный сотрудник компании.

И это дама еще улыбается.

Стоит ей сделать серьезное лицо, внутри меня проносится вихрь статического напряжения.

— Юния Алексеевна, — читает с монитора. — Меня зовут Ирина Геннадьевна. Я рекрутер компании. Присаживайтесь, пожалуйста.

Хорошо, что она напоминает об этой необходимости. Заставляю свое тело двигаться так четко, чтобы принять это приглашение с достоинством первой леди Англии.

— Почему вы хотите работать у нас? — стандартный вопрос на собеседовании.

Я к нему готовилась.

Только вот сейчас теряюсь и выдаю не совсем то, что запланировала. А точнее, совсем не то.

— Меня заинтересовало то, что вы даете шанс соискателям без опыта.

— Да, — подтверждает Ирина Геннадьевна, но улыбка ее явно приобретает оттенок напряжения. — Но далеко не каждому.

— То есть... — выдыхаю, крепко сцепляя лежащие на коленях руки. — Я, конечно, восхищаюсь вашим брендом. Тем, какой огромный исторически важный путь прошел концерн с момента своего основания. Кроме того, я изучила корпоративную культуру компании и пришла к выводу, что мне было бы комфортно работать в подобной среде. Я вижу перспективы, мне интересен ваш вид деятельности, и я думаю, что именно у вас могла бы, как бы это лучше выразиться... распаковать те теоретические знания, которые получила в университете, раскрыть свой потенциал и реализоваться.

— Хорошо, — протягивает интервьюер, подавая некоторые невербальные сигналы, что мой ответ ей понравился. — А что насчет стрессоустойчивости? Насколько вы выносливы в эмоциональном плане?

Спасение, что некоторые губительные поступки, подтверждающие мою повышенную эмоциональную чувствительность в прошлом, не были запроколированы.

— У меня за плечами тринадцать лет на посту старосты, участие в сотнях олимпиад, соревнованиях и конкурсах, выступления на различных форумах... О, и что особенно важно, руководящая

должность в студенческом оргкомитете! Помому, я сверхвынослива! — отвечаю с юмором, дабы не вдаваться в какие-то пространственные и, вероятно, странные размышления.

Пробежавшую по телу резонирующую болезненным жаром дрожь удастся скрыть, оставаясь неподвижной.

— Юния Алексеевна, — проговаривает Ирина Геннадьевна, опуская очки значительно ниже глаз. Я невольно заостряю внимание на том, как в голубоватых стеклах отражается текст с экрана находящегося перед ней монитора. — Вы замужем?

Статус своего семейного положения я, однозначно, указывала в резюме. Но напоминать об этом не смею.

— Нет. И в принципе не собираюсь. У меня другие жизненные ориентиры.

— Угу, — выдает, очевидно, неосознанно. Через миг снова концентрируется, фокусирует на мне вездливый взгляд и, вызывая у меня безотчетное чувство радости, с улыбкой спрашивает: — Готовы ли подписать контракт прямо сегодня?

* * *

— То есть... — теряется Мадина, когда заваливаю ее с порога новостями. — Ты подписала контракт с ведущим мировым производителем автомобилей?! Ты серьезно, ма-харошая? Ты серьезно?

— Типа того, — смеюсь, потому как сама еще не верю, что прошла собеседование в настолько крутую компанию. — Ты удивишься, но требования были попросту плевые! Такую фигню спросили, что любой экзамен в универе сложнее покажется! Ой, — прерываюсь, когда из спальни доносится детский плач. — Дай мне ее поддержать, — прошу, не в силах скрыть рвения. — Сей-

час я только руки вымою... — бегу в ванную без сопровождения. Давно чувствую себя в квартире Андросовых как дома. — Привет! — здороваюсь попутно с Валиком.

Он как раз выглядывает из кухни и машет деревянной лопаткой.

— Привет-привет! Давайте обедать.

— Сейчас, — принимаю приглашение.

Жаркое у Вали, конечно, обалденное. Но нячиться с рыжеволосым чудом по имени Роксана приоритетнее, чем набивать живот. Ношу ее на руках, пока уставшие молодые родители едят.

Между тем продолжаю рассказывать:

— Главное, что их интересовало: а) как скоро я могу приступить к работе? б) не помешает ли мне основная занятость дописать и защитить диплом? в) готова ли я к командировкам? Как вы понимаете, дать нужные ответы на эти вопросы не составило труда. Честно говоря, я даже немножко расстроилась. Наверное, больше бы гордилась тем, что попала в компанию, если бы пришлось по-настоящему постараться.

— Ой, радуйся! Наши все, видела, куда устроились? Через одного — официанты, через два — курьеры. Хорошо, что мы с Валиком еще на первом курсе ушли в фотографию!

— Ну да... — вздыхаю, не в силах прекратить улыбаться. — Согласна.

Передаю Мадине уснувшую Рокси. Пока съедаю свою порцию картошки, Валик убирается в кухне. После все вместе идем в общую комнату, чтобы погрузиться в кропотливую, но ненапряженную работу над дипломными таблицами. Я по большей части курирую. Принесла ведь новые данные от научного руководителя. Делюсь, качаю Роксану и ставлю пометки для себя.

— Тебя подбросить? — спрашивает Валик после ужина.

— Нет, — отмахиваюсь, собирая в сумку вещи. — Пробежусь.

На деле никуда я не спешу, конечно. Прогулочным шагом иду, снова и снова вспоминая все, что случилось за день. Моментами ловлю себя на том, что улыбаюсь.

Невероятно, но с понедельника я выйду на свою первую работу. Пока строю догадки, будет ли мне по-настоящему интересно в компании или я, как и многие, просто привыкну выполнять ряд каких-то обязанностей, добираюсь до проспекта. Пешеходам красный горит, так что мне приходится остановиться.

Вечерний ветер обдувает мое счастливое лицо и путает волосы. Обхватывая продрогшие плечи руками, смотрю на светофор и представляю, как приду домой.

С родителями мы не очень близки, но стараемся не терять контакта. Сразу после собеседования звонила маме, чтобы обрадовать. Попросила ее пригласить дедушку и испечь торт.

Вот будет здорово, если удастся посидеть так же уютно, как раньше, когда еще была жива бабушка.

Устав поправлять летающие по ветру волосы, тянусь в сумку за резинкой. Та выпадает из рук, едва улавливаю мощный рев несущихся по проспекту мотоциклов.

Из недр души поднимается дрожь. Пробивается сквозь кожу острыми иголками. Высыпает по одеревеневшему телу мурашками. Смотрю на валяющуюся на тротуаре резинку, а наклониться за ней не могу.

Дурацкие воспоминания... Прочь!

Но сознание уже живет своей жизнью, превращая меня без каких-либо предупреждений в ту восемнадцатилетнюю девчонку, которую так впечатлял и будоражил огромный байк Яна Нечаева.

Поворачиваясь, с замираем сердца смотрю на приближающихся к пешеходному переходу мотоциклистов.

Все трое разные полосы занимают. Мчатся, как говорится, ноздря в ноздю. На бешеной скорости, не уступая друг другу ни на йоту.

Черные байки. Черные костюмы. Черные шлемы.

Идентифицировать кого-либо нереально.

Но моя интуиция улавливает что-то незримое. Постигшее истину сердце охватывает забытую волну безумнейшей паники.

«Знаешь, моя маленькая Ю... У мотоциклистов есть одно золотое правило. Села — дала. Ты мне сколько раз должна? Сколько раз катались?»

Боже... Я не хочу это помнить!

Жду, что парни промчатся мимо, оставив после себя лишь отголоски прогорклых из-за давности эмоций.

Но...

Перед самым пешеходным переходом все трое резко останавливаются. На автомате ловлю подол подорванного потоком горячего воздуха платья. Не знаю, насколько вовремя это делаю. Да и плевать. Глядя в темные и совершенно непроницаемые стекла шлемов, прекращаю дышать. Пошевелиться и вовсе возможности нет. Кажется, что рядом застыли опасные звери. Посмей сделать лишь одно движение — набросятся и разорвут.

Мир вокруг нас отмирает. Люди обходят меня — слева и справа. Торопливо идут по зебре.

А я все стою, не замечая того, что для пешеходов включился зеленый.

Один из мотоциклистов сигналит, и мое сердце буквально взрывается. Уверена, все видят, как вздрагиваю. Затянутая в кожаную перчатку рука указывает сначала на меня, а после на светофор.

«Просто иди, зайчон. Крошечными шагами, через боль, через «не могу»... Двигайся!»

Судорожно втягиваю кислород, подхватываю ускользящий из рук пиджак, вместе с сумкой прижимаю к груди и, наконец, бросаюсь вперед. Шаг, второй, третий... Только после четвертого ослабевшие ноги полноценно слушаются.

Ускоряюсь. И тотчас оглядываюсь.

Уже находясь на второй половине проспекта посреди встречного движения, вижу, как тройца трогается.

Что-то тянет внутри... Сердце одурело бахает в ребра. Миллионы электрических импульсов разгоняются по телу. Кровь становится такой горячей и густой, что кажется, словно скипелась и превратилась в комки. Эти комки пульсируют, заставляя нервы звенеть, будто струны под пальцами одержимого бесами рок-гитариста.

Прохожу рядом с футбольной площадкой, на которой в детстве играли, когда осознаю, что обрушившийся шквал эмоций выходит из организма слезами. Они проливаются скупыми, но дико жгучими каплями.

Вдох... Шаг... Выдох... Шаг... Вдох... Шаг... Выдох... Шаг... Все получается.

Как вдруг... Снова рев мотоциклов. Снова парализующий страх. Снова безудержный и неистовый восторг.

Всем телом цепенею, когда сквозь темную арку между домами в мой родной двор въезжает та самая черная тройца.

Переднее колесо одного из байков тормозит так близко, что на последних, самых низких оборотах практически проталкивается мне между коленей.

Едва стихает рокот двигателей, два мотоциклиста поднимают щитки шлемов, позволяя узнать себя.

Нечаевы. Как я и думала.

Илья и Егор.

Третий лица не показывает, оставляя визор закрытым.

Но я... Знаю...

— Привет, Ю, — выталкивает Егор едко, словно намереваясь еще сильнее запугать.

Кроме того, он нагло двигает колесом, задевая теплой шиной внутреннюю сторону моего колена.

— Что вам надо? — шепчу сердито и отрывисто.

Я больше не та пугливая зая. При необходимости могу и подраться.

— А что ты можешь предложить? — отвечает вопросом на вопрос тот же насмешливый голос.

— Может, чаю? С цианистым калием.

С кончика моего языка капает яд. Есть еще, что сказать. Причем ледяным тоном. Но сделать это не успеваю.

— Егор, — остерегает «третий».

И я... Тотчас реагирую. Вскидываясь, мечу взгляд в беспроглядную темноту шлема.

Этот голос... Приглушенный, но сильный. Глубокий. Утробный. Богатырский. Резонирующий той силой, что когда-то казалась самой важной, самой настоящей, самой близкой. Сковывающей.

